

Тори Ру

Шум дождя

УДК 82-3
ББК 84
Т60

Тори Ру

Т60 Шум дождя / Тори Ру. – М.: Литнет, 2026. – 232 с.

ISBN 978-5-524-00021-7

Варе шестнадцать, но она вынуждена круто изменить свою жизнь. Впереди – переезд в другой город, новые друзья, первая любовь и горькие разочарования. А еще – ожившие городские легенды, мистические совпадения и загадочный незнакомец, который всегда приходит на помощь. Мечты, откровения и признания под шум летнего дождя.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00021-7

© Литнет, 2026
© Тори Ру, 2026

1

– Варвара, поторапливайся! – бодро командует отец, проходя мимо моей запертой двери, но я как можно медленнее застегиваю сумку и из чувства протеста не откликаюсь.

Папа редко обращается ко мне полным именем, и оно вызывает во мне граничащий с оторопью диссонанс. В воображении тут же рисуется статная и румяная русоволосая красавица, умеющая по-

стоять за себя, а не мелкое, до прозрачности худое существо с вечно испуганными синими глазами и черным коротким каре, запрятанное в складках свободных худи, свитеров и мешковатых штанов. А я именно такой и являюсь.

Временами я разбавляю черноту на голове цветными прядями, закалываю их невидимками с черепами и цветочками и меняю джинсы на юбочки, но неизменно предпочитаю, чтобы меня звали просто Варя. Ну, или... вообще никак не звали.

Не дождавшись ответа, папа настойчиво стучит в дверь. Его энтузиазм напрягает, но стадии торга и депрессии в моей душе уже прошли. Что плохого в том, что мой одинокий родитель желает поскорее воссоединиться со своей любовью, Анной, и начать новую жизнь?.. Это я вовсе не уверена, что готова покончить со старой.

Опускаюсь на пол, упираюсь затылком в стену и долго рассматриваю пустые полки моих стеллажей. Вещи и книги, населявшие их, уже на подъезде к другому городу, и встречаюсь я с ними в квартире, которую папа и Анна, поднатужившись, совместно приобрели для всех нас.

Тоска до боли стискивает грудь, я зажмуриваюсь и тихонько дышу ртом. Здесь остаются лишь мои старые рисунки, приклеенные скотчем к оранжевым обоям, люстра с разноцветной подсветкой и россыпь золотистых зерен на подоконнике. Прямо под раскрытой форточкой, в которую я два часа назад выпустила своего любимчика и лучшего друга – белого голубя Васю.

Память о прикосновении к его хрупкому теплому тельцу и мягким перьям до сих пор согревает руки, и я беззвучно реву. Но Анна когда то едва не умерла от орнитоза и страшно боится подхватить его снова, а у ее дочки Лизы сильнейшая аллергия на птиц.

– Варь, время! Надо выехать засветло! – голос отца приобретает стальной оттенок, и я отзываюсь:

– Иду я, пап...

Я беру себя в руки, дергаю за «собачку» на молнии сумки, поднимаюсь и отряхиваю джинсы.

В течение полугода мы с папой обстоятельно взвешивали все за и против, прислушивались к пожеланиям друг друга, и теперь я не имею права его подвести.

Да и опасаться мне нечего: на каникулах я несколько раз бывала в том городе, и он мало отличается от нашего. Анна – веселая, увлеченная и эксцентричная дама, а вечно мрачная Лиза, хоть и не в восторге от прирастания семьи «всяким детским садом» в моем лице, все же покорила воле родителей.

Узрев меня в прихожей, папа нервно улыбается, о чем-то вдруг напоминает и в десятый раз обегает наше опустевшее жилище. Плотнее закрывает форточки, проверяет краны на батареях, зашторивает окна и, наконец, удовлетворенно выдыхает. Теперь тут надолго поселятся квартиранты.

– Ну, все, Юша. Поехали! – он треплет жесткие волосы на моей макушке, отбирает у меня сумку, терпеливо ждет, пока я втисну ноги в потертые кеды, и легонько подталкивает меня к выходу.

2

Юша. Так звала меня любимая бабушка, потому что в детстве я не выговаривала сложное и заковыристое «Варюша». А папа использует это имя, когда нужно меня умаслить или поддержать.

– Пап, все правда нормально! – зачем-то заверяю я, и он быстро кивает. Забрасывает мою сумку в багажник старенькой иномарки, открывает передо мной правую заднюю дверцу, и я ныряю в уютный салон.

Нашей машине много лет, но она проворно скользит по раскаленному полотну дороги и лихо обгоняет тихоходные автобусы. Папа врубает кондиционер, прибавляет громкость радио, весьма стройно подпекает Стингу и задорно подмигивает мне в зеркальце.

Но я не присоединяюсь и отворачиваюсь к окну.

Оживленные городские улицы сменяются одноэтажными домиками садового товарищества, пустырем и заброшенными дачами, а после них до самого горизонта стелются нежно-зеленые поля, накрытые куполом насыщенно-синего неба.

Я вижу едва заметную белую точку, парящую в вышине, и воспоминания о Васе снова режут по живому.

«Лети, малыш! Далеко-далеко... И... прости меня, ладно?»

Сколько себя помню, меня точит тоска по чему-то нездешнему, светлому, свободному и трепетно-прекрасному. Она не делает меня грустнее и несчастнее, просто живет во мне, сопровождая каждую мысль и каждый шаг. А еще я с детства помешана на белых голубях, и раньше постоянно их рисовала. Моя заикленность по-настоящему пугает папу, и я, пожалев его, оставила рисунки в старой квартире.

Даже хорошо, что теперь я не могу рисовать, потому что не в состоянии нормально удерживать кисть и карандаш.

Папа тормозит у заправки и идет в сияющий неоном павильон, но вскоре возвращается с двумя стаканчиками кофе и парой горячих хот-догов.

С подозрением кошусь на промасленную бумагу и подумываю отказаться, но папа смотрит так умоляюще, что я забираю свою порцию, откусываю щедрый кусок от булки и мгновенно понимаю, что зверски голодна.

– Спасибо! Это божественно! – чавкая и давясь, приговариваю я. На папины глаза наворачиваются слезы умиления.

– Только, к сожалению, это ужасно вредно, Варь. Ничего, скоро начнем питаться не только вкусно, но и полезно.

Он опять вырывается на шоссе и теперь подпевает Кори Тейлору, а я наслаждаюсь терпким, густым, обжигающим кофе. Вообще-то папа тоже мой друг – он спокойный, веселый и добрый, и режим душевного родителя никогда не включает. Сегодня утром он вместе со мной плакал в голос и уверял, что Вася обязательно найдет свою голубятню, из которой когда-то улетел.

Я вздыхаю: папа прав. Вася давно бы в нее вернулся, если бы не попал в лапы к кошке и не был мною спасен. Умение вовремя отпустить – полезный навык.

Тогда отчего же мне все еще горько, и щиплет веки?..

Мой папа – вообще уникал. Начнем с того, что ему всего тридцать три. В школе он был круглым отличником и до беспамятства любил мою маму – первую красавицу и заядлую тусовщицу. Она отвечала взаимностью, но любовная лодка в щепки разбилась, как только выяснилось, что на свет собираюсь появиться я. Случился страшный скандал с безобразным выяснением отношений. Мама мамы выставила папу за дверь и строго-настрого запретила ему навещать их благородное семейство. Вместо того чтобы танцевать на школьном выпускном и отрываться на студенческих вечеринках, мама добросовестно варила мне каши и меняла подгузники, но в один из моментов что-то пошло не так. Я прожила с ней два года, а потом папа и бабушка забрали меня к себе.

А мама уехала в другой город и жизнью дочки с тех пор не интересуется.

Но я не страдаю и никогда не переживала на этот счет. В последнее время мы с папой страдаем только из-за потери бабушки.

С ней, Варварой Степановной, преподавателем вуза и исследователем в области культурологии, мы были особенно близки. Она понимала меня без слов, жалела, была в курсе всех моих дел, рассказывала современные притчи и городские легенды, которые всю жизнь собирала, анализировала и даже защитила по ним диссертацию. Когда я была маленькой, могла часами слушать их перед сном.

Я до сих пор перебираю их в памяти и потихоньку записываю в блокнот.

Ничто не предвещало беды. Не было ни зловещих примет, ни вещей снов, ни тяжелых предчувствий. Морозным январским утром мы, как обычно, ждали свой транспорт на остановке, и в толпу людей на бешеной скорости влетел джип. Я сломала три пальца на правой руке и приложила голову о бордюр, а бабушка получила тяжелые травмы и скорой не дождалась.

Спустя месяц тихого траура и бесцельных блужданий по комнатам папа отправил Анне цветы, нацепил новый галстук и сделал по видеосвязи предложение.

Вот так мы и оказались в этой точке времени и пространства.

Словно уловив, что я о ней думаю, новая мама тут же звонит:

– Ребят, как вы там? С нетерпением ждем. Варенька, ты с какой начинкой вареники предпочитаешь? – из динамиков раздается ее участливый голос, но от слуха не ускользает язвительный смешок Лизы на фоне.

– Солнце, не заморачивайся! С любой! – вместо меня отвечает папа, а я незаметно показываю воображаемой сводной сестре средний палец.

3

Огромный город внезапно выныривает из-за холма и тут же перегружает зрение закатными бликами, искрами фонарей, разноцветными глазками светофоров, яркими огнями фар, неоновыми витринами и белой подсветкой административных зданий. Вечереет, черная густота парков и скверов наползает со всех сторон и превращает улицы в сказочный, населенный колдунами и духами лес. Мы медленно въезжаем в него, и от мрачной, но интригующей атмосферы перехватывает дыхание.

Да, я уже бывала в этом городе, но раньше он меня не впечатлял. И он еще долго будет для меня новым – я плохо ориентируюсь в пространстве, не запоминаю маршруты, до одури боюсь подвыпивших мужиков, шумных скоплений молодежи, тихого ночного дождя и летних гроз...

Если существуют «домашние» дети, то я выросла буквально в тепличных условиях. До седьмого класса бабушка каждый день провожала меня в школу и после звонка встречала у ворот. Прежние одноклассники относились ко мне *никак*: не обращали внимания, но и не доставали.

Уверена: на встрече одноклассников через год они даже не заметят моего отсутствия и не вспомнят имени.

Меня устраивала такая жизнь: вечера в компании книги или скетчбука, занятия в художке, подготовка к проектам, участие в олимпиадах. Я усиленно работала над воплощением мечты: после девятого переехать и поступить в «Суриковку», где, в случае успеха, я могла бы получить профессиональное образование и подать документы на высшее.

Но однажды, когда мне исполнилось пятнадцать с половиной, в груди засело ноющее, навязчивое томление, похожее одновременно на тревожное предчувствие, на мандраж перед экзаменом,

на ожидание любви и на уверенность, что она обязательно придет. К маю оно превратилось в наваждение, и с наступлением каникул стало нестерпимым.

Мне вдруг тоже захотелось бродить по летним улицам за ручку с кем-то невероятным, улыбаться ему, любить его, заглядывать в глаза и нарушать правила. Мне сотни раз снился его звонкий смех, до мурашек приятный голос и горячий, опьяняющий парфюм с запахом соли и солнца, но в моих снах у парня не было четкого лица.

Этим летом эмоции бушуют, как ураган, но я до сих пор одна — одна настолько катастрофически, что это невозможно вообразить. Стыдно признаться: до сегодняшнего дня я рассказывала секреты только голубю, и у меня есть лишь папин номер в списке контактов.

Поток машин останавливается в ожидании зеленого разрешающего сигнала, и впереди открывается вид на величественное здание с рядами колонн и множеством ступеней. Судя по барельефам на фронтоне, это — местный театр. На лавочках у фонтана обнимаются влюбленные парочки, дети бегают по мраморным бортикам и визжат, а пожилая полноватая тетенька в серебристом платье и ажурной шали кормит хлебными крошками стаю сизых голубей. Внезапно она оборачивается, пристально на меня смотрит и приветливо машет рукой в белой митенке.

Городская сумасшедшая — таких и в наших краях было много. Но я всегда им сочувствовала, помогала перейти дорогу и даже выслушивала, вот и сейчас поднимаю руку и машу ей в ответ.

Тут так торжественно и красиво, что хочется плакать, и я мысленно умоляю провидение послать мне компанию по интересам, преданного и смелого друга, занятие по душе и силы стать лучше — только бы не тухнуть это лето и всю оставшуюся жизнь в четырех стенах. В голове снова возникают образы белой птицы, большой высоты, необъятного неба...

Историческая часть города резко заканчивается, и я разочарованно провожаю взглядом старинные особнячки, пафосные ново-